

Я приду к тебе, Отар!
Неизвестность, вечность я —
Половина бытия,
Половина Божий дар!

ТЫ И У БОГА Я

Ты и убогая, ты и обильная...

А. Н. Некрасов

Ты и у Бога я! — Мы оба сильные!
Страна моя — Россия милая!
Ты в топях, в ливнях, Ты тополиная —
Листвой шумящая: «Дорогой длиною...»
Умом искрящая в безумстве времени,
Тоской слезящая в тяжёлом бремени...
Зарёй алеющей ты обновляешься,
Надеждой тлеющей молясь, меняешься...

РОДНАЯ РУСЬ!

Как душно в клетке! Как тесно в клетке! —
Взлечу на ветку рябины красной.
Вдохну небесной прохлады светлой
И клюну ягод зарёй атласных.
Вспорхну до выси — проветрю мысли.
Вдохну и свистну: «Родная Русь!
Дай коромысло, чтоб ведра чистой
Воды искристой набрать из выси,
Спуститься в мглистость эквилибристкой,
Из вёдер прыснуть водой росистой
На землю-пристань, где путь тернистый,
И святость, Русь, тебе вернуть!»

УХОДЯЩЕЕ ЗНОЙНОЕ ЛЕТО

Блѣкнет пурпур уходящего знойного лета
В страстных объятьях капризной осенней блудницы.
Щедрое лето бросает свои самоцветы
К царственным ножкам и плотью спешит насладиться.

Дни сочтены! И корону надела царица!
Лето дождём смывает коварная власть!
И с листопадом кружится Осень-царица,
В вальсе парадном свою усмиря страсть!

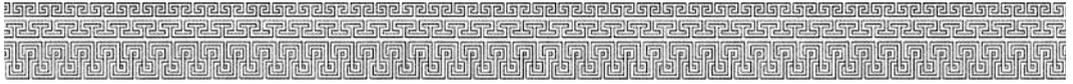
СТАНЬ!

Дорога очень далека,
И нет уж сил у ишака!
Да, дело — дрянь!
И смотрит ангел свысока
На ишака и на меня:
«Смени скотину на коня!»
Отстань!

Я всё сижу на ишаке
И лишь мечтаю о коне.
Но нет коня!
Ишак шатается, идёт,
Вот-вот на землю упадёт
И разобьёт меня!

Спустился ангел свысока
И превратил меня в коня
И в сталь!
Скачу, лечу куда-то вдаль.
Мне ишака совсем не жаль!
Дань!

Ишак — мой внутренний обман!
Я — ураган! Я — океан!
Стань!

ОДИНОКАЯ

И закала река Ока
Берегами около —
«Соколы, соколы!»
Колокольчики звенят соколам:
«Одинокая, одинокая!»
Травушки шумят около соколам:
«Одинокая, одинокая!»
И букашки шуршат около соколам:
«Одинокая, одинокая!»

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ В. ПЕЛЕВИНА

В некой комнате много народу.
На табуретках — творцы и уроды,
На стульях кривых сидят разные люди —
Сидят на узлах, на железной посуде.
Кто попроворнее — занял два стула.
В комнате душно, глохнут уши от гула,
Шумно, противно и очень тесно,
Кто-то себе не находит места.
И этот «кто-то» сгоняет кого-то.
«Душная комната» — это обёртка
Мира, в котором они все живут —
Сквозь невзгоды, борьбу, унижения, стон...
Сидят и жуют то, что им подадут
На иллюзорный невидимый стол...
Но каждый имеет свой собственный трон —
Огромный, просторный, ввысь уходящий
Над этим миром!
Яркий, сверкающий, прозрачный —
Мир — от факира без рэкетиров —

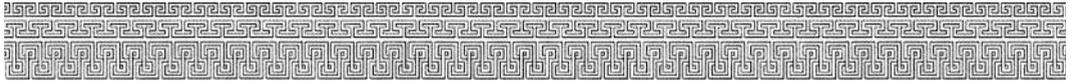
Он иллюзорный однозначно!
Трон — властителя мира, власти его!
Трон легитимный! Кто взойдёт на него?
Кто это решит? В этом мире забавном
Самое главное — Трон принадлежит
Любому из них по праву!
Но взойти на трон очень сложно.
Сесть на трон почти невозможно.
У вас есть вопрос? У меня есть ответ:
Трон — на месте, которого просто нет!
Пустота в пустоте сейчас пребывает.
Но место пустым никогда не бывает...
Примите, мечтатели, к сведению:
«Надежда всегда умирает последней...»

СУЕТА СУЕТ — НЕБЫЛИЦА

Суета сует — кругом бегом
По давно знакомым маршрутам.
Бежим и не видим ничего,
И нет ничего как будто.
И день изо дня — суета, беготня:
Дом, магазин, работа...
И в сумерках к дому спешим всегда —
Есть в этом от роботов что-то.

Жил робот — один среди людей,
Его изобрёл кто-то.
Ходил он по улицам каждый день,
Тихий, спокойный и кроткий.
Он запланирован был на ходьбу,
На подзарядку в скверах,
Гулять в мохнатом старом лесу
И разные мелочи делать...
И если чего-то робот не знал,
То обращался к себе:

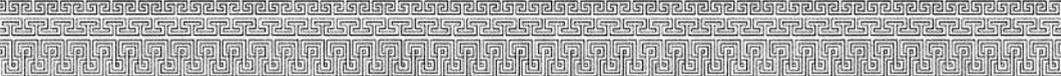

Кнопку в своей голове нажимал —
И получал ответ.

Например, он не мог никак понять,
Почему люди бегут,
И почему у них, надо сказать,
один и тот же маршрут.
Он кнопку в своей голове нажал
И получил ответ:
«Поздно ложатся люди спать,
Рано приходит рассвет!»
«А что означает слово «спать»?»
«Подзарядка!» — ответ.
Робот пошёл к реке, присел,
Рябью воды любит, любуется,
И облака на воде разглядел,
И рыбу в реке, и пёструю курицу,
Которая, квохча, шла к воде
С цыплятами жёлтыми, куцыми.

На травку душистую робот прилёт
И стрекотанье услышал.
И над ним взлетел мотылёк
И полетел всё выше!
Робот снова кнопку нажал:
«А как я могу летать?»
Ответ: «Иди, спотыкаться, падать, вставать,
Если хочешь летать!»
Робот нажал кнопку опять:
«Хочу я летать и крылами махать!»
Ответ прозвучал трёхкратно:
«Пора тебе в сквер на подзарядку,
Пора тебе в сквер на подзарядку
Пора тебе в сквер на подзарядку!»

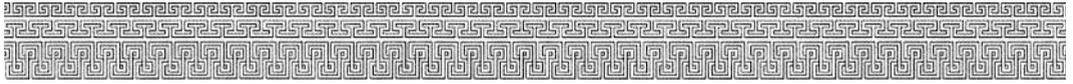
И робот пошёл в ближайший сквер,
Сел на скамью, подзарядился.
И вот он уже в толпе людей,
бегущих! — Бежит, суетится!
Думает робот: «Что-то не так,
В толпе по-другому влияет заряд!
Но хоть бы кто-то остановился!
Трамваи звенят, машины гудят,
И странно печальные лица.
Куда спешат, зачем спешат?
Наверное, чтоб зарядиться!»

Он всё-таки выбрался из толпы
И крикнул: «Остановитесь!»
И замерли все, оглянулись все —
Улыбкой заполнились лица...
Ведь вечер такой прекрасный стоял,
Хоть в воздухе пахло грозой.
Шумели листвой тополя, тополя...
Прохладой сменился зной...
И, воздух вдохнув, толпа не спеша
Пошла по мостовой.
И гром раскатился, и молнии шар
Скатился, и дождик пошёл.
Пошёл, чуть дыша, тихонько шурша,
Как лёгкий приятный душ,
С лихвой заряжая горожан
энергией радости душ.
И Робот воскликнул: «Счастливый народ
Сегодня природе улыбки несёт!»

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

Он много лет один сидел
В пещере, в стенку всё смотрел
И просветленья ожидал.

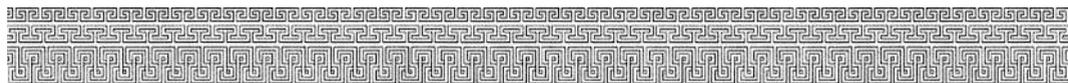
И вот его как будто нет,
И только у пещеры свет
Его наружу звал.

Что ж, дух его был просветлён
И внешний образ изменён —
Он из пещеры вышел.
И светом был он ослеплён,
Вдохнул чарующий озон,
Природный шум услышал.

Он стал прозрачным, словно лёд,
Он по дороге шёл.
Смотрел вперёд, вперёд смотрел,
Смотрел и песню пел:
«Инстинкта жизни я лишён,
Животной силы тоже,
От мыслей я освобождён,
Освобождён от кожи,
Я светлым стал, прозрачным стал!
Я — лунный свет, её кристалл,
Я многогранный свет эфира —
Его магическая сила!»

Но он споткнулся и упал —
Разбился ровно пополам...
Бежал мальчишка — часть поднял!
Светился пламенем кристалл —
Зарю рассвета отражал!
И мальчуган возликовал! —
Девчонку рыжую позвал
И дал в ручонки ей кристалл! —
Вторую половинку,
И с пылом девочке сказал:
«Люблю тебя, Кристинка!»

В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

Искрятся сосульки, и снежный поток,
И топот в потоке идущих куда-то —
Куда-то, зачем-то и безвозвратно...
Идущих в начало, лишённых сознания,
Идущих в печали — без покаянья,
Куда-то, зачем-то и безвозвратно — к причалу...
За мнимые стенки зеркал — в зазеркалье
Они удалялись, они исчезали...

ЗАМРИ НА МИГ

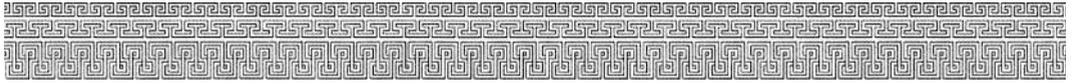
Мгновенье — кадр! — Как задержать его?
А как родить прекрасное мгновенье?
Как удержать в полёте вдохновенье,
Создать неповторимое творенье
Из праха? Воздуха? Воды? Из ничего?

Божественной иллюзии дано
Создать пространство — чудо-полотно
И бесконечный фильм крутить на нём,
И вечером, и ночью, утром, днём.

Замри на миг, уставившись в окно —
Нет мыслей? Нет тебя? Нет ничего?
Так, кажется, что было всё давно,
И ты, как старый кадр, из вечного кино...

Но дудки! Новый кадр! И шелест слышу я!
И вдохновлённый бард поёт, что есть земля,
И на земле есть рай для грешников земных,
Что снова будет май — цветущий май весны.

Я ЧУВСТВУЮ С НАРОДОМ ЕДИНЕНЬЕ

Я оживаю, когда солнышко встаёт,
Когда под окнами, шумя, идёт народ —
Мне кажется тогда, что вместе с ним
Иду я рядом по делам своим...

Стирается моё уединенье —
Я чувствую с народом единенье.
Я слышу топот, говор — жизнь идёт,
И вместе с ней шагает наш народ...

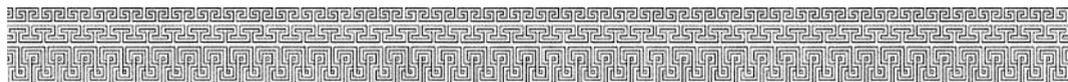
ПАССАЖИР — НЕ ПЕШЕХОД

Косоглазый дождик прописи линует
По листу дорожному, заигравшись всуе,
Балагурит, струйный.
Ветер-обалдуй по прописям дует,
Абстракцию малюет вживую —
Что-то на что-то похожее,
Бездарную живопись множа.

Голосует ёжик —
пешеход-прохожий,
одинокий у шоссе,
правой рукой к левому боку,
Съёжившийся кротко
В мокрой короткой обёртке,
Согреваясь в «шассе»,
Заклиная в душе шоу сие.

Мог бы хоть под тополь —
Весь промок до нитки...
Светофор мигает —
Робот в чётком ритме.
Шум дождя, и ветра, и колёс машинных.
Тормознули шины, голос из кабины:

«Ты куда? А сколько? Триста? Маловато!»
И таксист с улыбкой, явно нагловатой:
«Нет!» — ответил быстро, кратко и понятно.
И опрятный «газик» мчится без оглядки,
И мигает глазик фары для порядка.

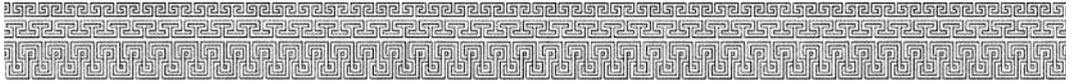
Пешеход-прохожий шаг дорогой множит,
А в ботинках хлюпает слякоть грязной рожей.
Тело трусит дрожью — всё в гусиной коже,
А на головке щуплой чуб ко лбу — скорлупкой.
На глазёнках лупы, в оправе хрупкой, мутные,
На леденцы похожие.

Вот и остановка, и троллейбус тут же.
Замедляет ловко — и колёса юзом.
И троллейбус грузный выставляет рожки,
Открывает пузо прямо у дорожки,
На которой лужа. Но куда же хуже?
Хуже — «босы ножки»!

Пешеход-прохожий прыгает из лужи —
В дверь мысками, пятками,
В пузо без оглядки,
Съежившись, разъежившись
Лужей вертикальной в лужу между ножек,
В лужу уже в множителе, выросшей нахально.

Косоглазый дождик по окошкам дрожью.
Пассажир в троллейбусе согревает кожу.
Обсыхает кожей.
Трой, лей, бузи, косоглазый дождик!
Пассажир — не пешеход и не прохожий, вот!
Косоглазый дождик, трой, лей, бузи,
Пассажир по лужам да плывёт
В трол лей бу се, вот!

ВСЮ ЖИЗНЬ ПО КРУГУ

*Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте, что вы всех плоше?
Деточка,
Все мы немножечко лошади,
Каждый из нас по-своему лошадь.
Владимир Маяковский*

По кругу грива с хвостом уныло
Копытным шагом брели лениво.
По кругу топот — удары сердца...
Где прошлый опыт, знакомый с детства?
Вдруг хлыст ударил по кляче старой,
И след кровавый зарёю алой
На небе и хребте оставил...

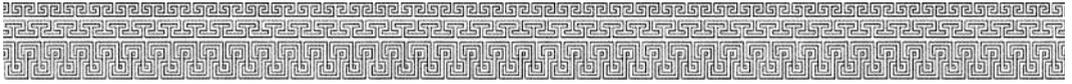
В загоне кляча метнулась вправо,
Вцепился сзади за хвост «легавый».
В ней нет желаний за жизнь бороться —
Темно в сознание, как в болотце.
Всю жизнь по кругу, с рожденья к смерти,
И шарик круглый — в круговерти.

А за загоном, в чистом поле,
Неслась кобылка, с ветром споря.
Не слышно было её копыт —
Весь мир огромный пред ней открыт...

ОБ УХОДЯЩЕМ ЛЕТЕ

В рыжеющих листьях луч света оставил свой след,
И золотом кисти рисуют осенний портрет.
Деревья, сердчая, качает разгульный ветер,
И совка ночная случайно проснулась на ветке,
И клюв очищает в своей неизменной горжетке,

И жук удивлённо жужжит над ней безответно,
И белки-кокетки следят за всем незаметно,
И гриб боровик красуется в тёмном берете,
И где-то отчаянно в разноголосом квартете
Птицы кричали об уходящем лете!
В рыжеющих листьях Луч света оставил свой след,
И золотом кисти рисуют осенний портрет.

ГДЕ-ТО...

В небе — коромысло в гамме семицветной.
Лучики искристые через стёкла чистые
Скачут по паркету! У поэта — лето!

Драма кляксой кислой на тарелке в гетто...
Да, сегодня где-то, в гетто, звёздочка потухла.
Плачет где-то в гетто матушка-старуха.

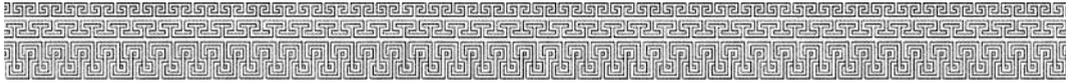
Завтра пианиста похоронят где-то,
След его лучистый унесётся в лета.
Реквием исполнит юный пианист,
А поэт заполнит строчкой чистый лист,

А в окошке светлом разгулялось лето.
Лучики искристые скачут по паркету.
Где-то драма — гетто, где-то — праздник лета...
Плачет и танцует синяя планета...

А НА АРБАТЕ ОСЕНЬ — ДЕНЬ РУМЯНЫЙ

А на Арбате — осень, день румяный,
Шуршанье листьев блёклых под ногами,
Совсем безветренно, тепло как летом,
Сидят художники — в руках мольберты.
А рядом девочки на табуреточках,
Они позируют и ждут портретиков.

Здесь в выходные так многолюдно,
Что потеряться совсем не трудно.
Куда ни глянешь — стоят, висят, лежат этюды.
Здесь множество безделиц антикварных,
Порою непонятных, даже странных.

Здесь разные раритеты:
Старинные медали и монеты,
Матрёшек пруд пруди
Для «братьев» иностранных,
Которые толпятся позади
И покупают,
всё покупают, как ни странно!

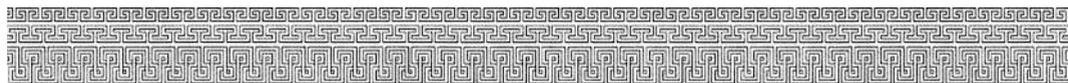
Здесь рестораны, и кафе, и магазины,
И заывают яркие витрины.
И здесь поёт подхриповатый бард,
Что «...нет пути уже назад...»

А на Арбате — осень, день румяный!
Я с тортиком и с розой в целлофане
Стучу ритмично по асфальту каблучками.
В Карманицкий свернула переулок —
Спешу к друзьям! Сейчас не до прогулок...
А на Арбате — осень, день румяный...

НА ДАЧЕ У ДРУЗЕЙ

Я в Суздале, на даче у друзей.
Здесь может быть со временем музей...
Рояль «Стенвей» за стеночкой в гостиной...
Борис... Он далеко, в другом конце Земли.
Там нет зимы, тепло там круглый год.
И сердце там, наверное, не стынет...
И всё немножко там — наоборот...

Здесь на участке, за искусным тыном,
Раскрыли шапки розы, георгины,
И первый яблоневый плод,
И первые плоды рябины —
Невзрачные, ещё им не черёд.

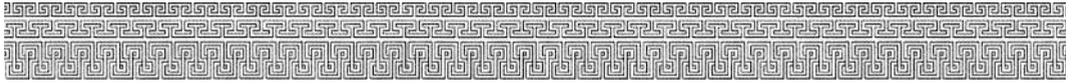
Здесь по стеклу
дождь слёзы горько льёт — скучает!
Здесь на столе мои печали —
стихи в обложке — «арлекины».
И шум дождя, и блики от стекла,
и отголоски сплина.
И Богоматери икона на стене...
И спины, спины стен, на них картины...

Здесь одиночество — тоска со мной, во мне...
Здесь плен, как будто всё во сне,
Плен — без желанья, без причины,
В мещанской этой благостыни,
Как в антикварном магазине —
Всё посмотрел и хочется вовне...

ДЕРЕВНЯ ЖДЁТ ЛУНЫ ВОСХОДА

Вот время дня промчалось быстротечно.
И лбом о дом стучит ритмично ветер,
И вечер приглушает лета краски.
Деревня словно нарядилась в маски
Животных разных. — Ждёт луны восхода,
Чтоб вместе с матушкой природой
Всем подарить на сон грядущий сказки...

ЕФРОСИНИИ

Без укоризны силуэт
И тень на скосе.
Вы шли сюда сто тысяч лет,
Родная Фрося!
Вы озаряли ближний свет,
Верхушки сосен,
Ваш в конопушечках портрет —
Журчанье в осень!
И ваши юные глаза,
Как небо, сини.
И ваша длинная коса —
Как путь России...

БОРЕЙ

Борей примчался с Кордильер —
Ныряет ветер в разные пустоты околотка —
Между домов, в канавы и в карьер,
Влетает в глотки-гроты,
Между деревьев, что стоят неплотно —
На расстоянье метра друг от друга,
И по верху несётся по округам,
И, притомившись от затей,
Он притаился в скверике, хитрюга,
И вылутился, словно ротозей,
В просвете между ровными кустами,
На лавочки, на парочки влюблённых,
Которые сомкнулись вдруг устами
И обнимались ветками-руками,
Потом с дыханьем затаённым так целовались!!!
Как целовал бы он, Борей, дома, деревья и людей,
И Землю-мать, и всё, что есть на ней!
И выпорхнул между кустов Борей,
Пошелестел листьями, качнул с десяток фонарей,

Потом из сквера да по крышам с шумом
Вновь верховодит, словно полоумный,
Свободе рад — целует всё подряд,
И рай в очах, а за очами — ад...

ПРОСТО ЛЕТО

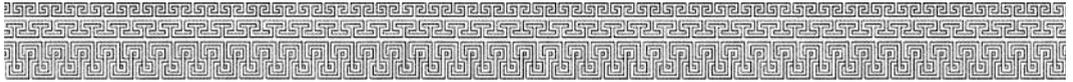
Спала с трав уже роса.
Солнце дню с приветом,
И на небе бирюза,
И в разгаре лето.
Просто — лето.

И иду я в выходной
К парку у канала.
Химкинский бульвар стеной
Этажами справа.
Я — по тротуару,

А вокруг — лениво люди,
Стороной — витрины-блуды,
Раздвижные магазины
И цветочные корзины —
Просто чудо!
Я к шоссе, через шоссе,
И уже в лесной косе,
И канал передо мной,
И песок береговой,
Тень и зной.

И лениво бродят мысли...
Парк зелёный, воздух чистый.
И в протрации сознание,
Словно разум мой в изгнание —
Просто в выси!

По ту сторону канала —
Теплоходы у причала.
«Мне б поплыть назад, в начало,
Мне бы всё начать сначала!» —
Я кричала!

Спала с трав уже роса.
Солнце дню с приветом,
И на небе бирюза,
И в разгаре лето.
Просто — лето.

Я СЯДУ НА ЭТОТ БОЛЬШОЙ ТЕПЛОХОД

Московский канал, и якорь спустил теплоход,
И люди по трапу выходят к Речному вокзалу,
Вовсю говорливы. «Весёлый, счастливый народ», —
Взглянув с любопытством, я тихо себе прошептала.

Я чувствую, знаю, что это когда-то пройдёт —
Оставлю печали свои я за этим причалом,
Я сяду на этот большой теплоход
И по воде с ватагой «счастливых» отчалю...

ВОТ МИРАЖ НАЯВУ

Всё яснее во сне вижу я караван.
По волнистым пескам, среди верблюдов, одна,
Я иду без горба, и еды, значит, нет.
Я в пустыне одна, я пуста, я бедна,
Хоть стреляйся, но где пистолет?

Вот мираж наяву: я с горбом, но в раю,
И еды — ешь, хоть лопни!
Иллюзорный мой рай — это праздничный май,
Я ребёнком в сандалиях топаю.

Я купила б сандалии, но таких уже нет —
 Лёгких, кожаных, на застёжке.
 Может, сшить, только маленькие, как амулет,
 Для дюймовочки-крошки?

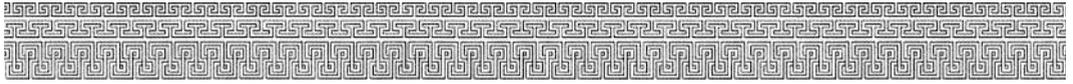
ТАК ЕЛЕ УСПЕВАЮТ В ВЕЧНОСТЬ

Он близорук, с прищуром глаз,
 Он носом водит по строкам,
 Он далеко не Карабас,
 Он — нежная печаль векам!
 Он капли слёз ронял всерьёз
 Над образом Джульетты милой.
 В тени сусальных старых грёз
 Ромео взгляд возник орлиный...
 Он был один средь многих здесь,
 В метро, летевшем по тоннелю, —
 Весь там, в трагедии, а днесь —
 Всё как должно быть, в самом деле...

И я в метро. Я — Карабас!
 И здесь вокруг всё куклы
 На ниточках незримых. Глаз
 Мой ищет их в пространстве смутном.
 Здесь Арлекины все в печали,
 Здесь изначально без сюжета,
 Свободно стук колёс встречали
 Абстракции холста с мольберта...

Вот мчится зверь — как конь в карьер —
 Вагон в тоннеле, я в нём и с ним,
 Живым, как будто гужевым.
 В костюме безупречном
 Спешу на вечер — успеваю еле,
 Так еле — успевают в вечность...

Да, год культуры, да, всё прекрасно,
И fuga шума безопасна.
В вагонах длинных всё пассажиры,
На лицах мины — все как инжиры.
Кто спит угрюмо, а тот в мобильном —
Он с видом умным играет с Джином,
А с ним — «Мальвина» с кудрями длинными.
Расставив ноги, сидит детина,
А рядом тётя читает руны,
А на обложке — вода и дюны,
С ней справа — бомж с лицом в коросте.
А кто-то милостыню просит.
Он «кто-то» — дядя с одной ногой,
Он там, в Афгане, служил с лихвой,
Вот отслужился — в коляске едет,
А был служивым и не был беден...

Под стук колёс в жизни короткой,
Под знаком «SOS» в цветных обёртках
На остановках кто-то выходит,
На остановках кто-то заходит.
Ступни упадка и вроде в роде
В сквозном порядке, как при погоде,
Когда всё пасмурно, и солнца ждать
Пока напрасно, но надо жать
На все педали! Вот я и жму
В своих «сандалиях» — всё по уму! —
В музей Булгакова спешу к поэтам!..
Душа залатана; в разгаре лето...

ЗА ЯРКОСТЬ ТВОРЕНИЙ

Анне Гедымин

Я смотрю на атласный журнальчик,
На картинке — день в сарафанчике!

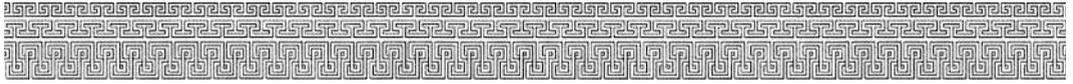
Вот бы нам на речном трамвайчике —
В сарафановый день в сарафанчиках!

На речной бы трамвайчик! Да где там...
На исходе июль, и душа тает, словно конфета.
Не спасает и тюль в это жаркое, жгучее лето.
Далеко Иссык-Куль полноводный — в Киргизии где-то!
Зной палит, и потеет асфальт под ногами.
И какой в том профит,
Если смальты в желтеющей гамме?

Уповаем на Бога, и всё же играем с судьбой!
Зайчик — солнечный лучик сквозь щёлку нарушил покой,
Обозначил он смальты — семи радужных ярких оттенков,
Выбирай, конструируй в мозаичный куб Переделкино!
Там спасенье для многих, желающих жить и творить...
Там не встретишь «убогих», и «гениев» там дефицит.
Ты всё хочешь понять, предвидеть, всё делать «как надо»,
И ни пяди назад, и любовь ощущаешь наградой!
Ты летаешь по свету с пространною мыслью «о сложном» —
И возможным становится вдруг «совсем невозможное»!
Ты бываешь в прострации лишь на мгновение...
Но срываешь овации вновь — за яркость творений!
Мне с тобой на речной бы трамвайчик! Да где там...
Ты — хотела бы плыть теплоходом «Комета»!
И тебе, «птичке райской» красоты неземной,
Не страшны жизни качка, непогода и зной.
Я — воронушка белая, нынче тоже в строю,
Проворонила верную славу свою...
Но я в быстром полёте, на крепких крылах,
С Музой вместе шаманю в самобытных стихах...

Мы с тобой будем плавать, летать и струиться
В этом мире огромном — две светлые птицы...

ЧЁРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Когда вечер уходил прочь
И на смену ему прилетала ночь,
Тогда Чёрный человек, по делу и без дела,
Просто гасил звёзды.
Но звёзды зажигались вновь.
И Чёрному человеку занятие это надоело.

И сегодня, в наш двадцать первый век,
Когда ночь прилетает в город,
Тогда из тучки тёмной спускается в город
Чёрный человек!
Нет, не негр, но — Чёрный человек.

Он хлопает входными дверями,
Он ходит кругами под фонарями,
Тростью стучит по машинам,
Барабанит в витрины магазинов,
Спешит всё успеть!

И машины начинают гудеть,
И витрины — звенеть одиноко,
И открываются некоторые окна,
И выглядывают — белые дяди,
И ругаются на чём свет стоит —
Чего ради?
Чёрный человек дальше спешит
И ставит подножку
Запоздалому прохожему на тёмной дорожке.
И тот спотыкается, и тот чертыхается,
И продолжает свой путь, как полагается.

В городе, в скверах тёмных,
Чёрный человек терпеть не мог влюблённых.
И когда он встречал влюблённых пару,
Эта встреча была ему не по нраву!

Он вмиг к ним, влюблённым, поворачивался спиной
И распахивал плащ свой стеной,
И безутешно плакал.
И как так?

А влюблённые целовались искренно,
Принимая его плач за шум листьев.
Но время шло, приближался рассвет,
Дождь закрапал.
По городу шёл Чёрный человек
В чёрном плаще длинном,
Под чёрным зонтом, в чёрных мокасинах,
В чёрных перчатках.
Дождь шёл! Чёрный человек плакал...

В КАДРЕ КИНО

Рухнул мир на глазах — в осколки!
Жизнь как счастье — в кино! Наяву —
Здесь, в лесу, на луну воют волки,
А в кино — новый кадр наяву.

Там, в кино, я живу девой бойкой,
Словно О́дин строками шаманю —
Затираю ошибки иголкой,
Исполняю любые желанья.

Наяву — Мир в руинах осколков,
Солнце спряталось за облаками,
По покойникам воют волки,
И идут по земле великаны,
И на небе раздвинули тучи,
С кручей ссыпали мусор веков,
Из колючих осколков «Могучие»
Стали строить «Великий Покров»!

Я давно уже вне реальности,
Я в квадрате, в кадре кино...
А за кадром свершается таинство,
О котором мне знать не дано.
Там, в кино, я живу девой бойкой,
Словно Один стихами шаманю.
Только вот я не знаю, сколько
Я исполню ваших желаний...

КАКОЙ ДОСТАНЕТСЯ БИЛЕТ

И очертания деревьев
Сквозь шёлковый туман вдруг проступили,
И вечность отразилась в мире
Селений, городов всех стран —
В озёрах, реках и морях, и океанах,
На клавишах звучала фортепьянных,
Молитвами в молящихся устах...
Из праха — в жизнь, из жизни — в прах...
Но есть надежда, что не так, что вечен Дух, и в небесах
Находит путь он к параллелям в других мирах! —
Быть может, и не к райским,
Но точно — красочным и майским,
Надеюсь я! Но может быть, что нет! —
Кому какой достанется «билет»!

В БАНТИКАХ ЮНОСТЬ

В бантиках юность твоя, Настенька, внучка родная,
Глазки твои, как заря, светятся утром ранним.
Мчишься ты, словно газель, что испугалась грома.
Думаешь, как повзрослеть, чтоб ускользнуть из дома,
Дома — России твоей — в дивный любимый Париж,
Любишь ли ты Куршевель в Альпах с тропинками лыж?
Редко я вижу тебя — век наш глотает время,
Меня серебром серебра, тебя — золотя в Куршевеле.

ВСЕ ГРЕШНЫ — НЕПРЕЛОЖНЫЙ ФАКТ

В зеркальной комнате пустой
Стою сама перед собой,
То есть пред несколькими «Я» —
Отряд меня!

«Кто ты?» — здесь всех я вопрошаю.
«Кто ты?» — все «Я» мне отвечают.
И вглубь идут все отраженья —
В проекции моей смещенье,
Уж только точка в зеркалах —
Крах!

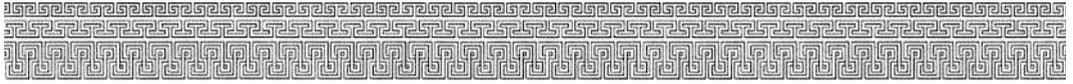
Всё помутненье на мгновенье —
Я делаю назад движенье
И снова вижу отраженья —
Возврат из грозового времени...

Глубокий вдох и быстрый выдох —
Стремлюсь на иллюзорный «выход»...
Как много «Я» в тех зеркалах —
Все «клоны!» — «Ужас!» на устах.
Все грешны! — Непреложный факт.
И все во мне одной едины...

НО Я НЕ ХОЧУ НАЗАД

Сиреневый липкий закат
И пасмурность вечера днём
Тянули куда-то назад,
Где прошлое лезет в проём —
В квадрат очень старого кадра,
Без сладкой отрады и смеха,
Где в складках старинного сада
Остались забытые песни,

Где пьесы из жизни заснули,
Где замерло всё в ожиданье
Магической палочки лунной
И чувства её осязанья.

Но я не хочу назад
В заброшенный старый сад!
Пусть с утром настанет рассвет,
И розой зардеет закат!
Чтоб мне подарил букет
Сегодня цветущий сад!

ЗДЕСЬ В МИРЕ — ТОПОЛЬ, ТЕНЬ И Я

Январский день —
Совсем короткий, кроткий,
И кроткие души моей порывы...
Лишь тень от тополя неприхотливо
Сползла к моим ногам, застыв уныло,
И растворилась частью на колготках.

Мир белый! Только три пятна.
Здесь в мире — тополь, тень и я.
Всё замерло, ушло в нирвану.
И день за поворотом канул.
И в полумрак вошла земля.

Я не хочу обратно из нирваны,
Но всё ж, скрипуче, следом к следу,
Иду, протаптывая средю,
Домой, к застывшему обеду,
Сквозь туманы.

Не хочется ни есть, ни спать.
Как знать, быть может завтра —
Удастся всё же распознать

В четверг святой, в свечи огарке,
Противоречия Петрарки
И аскетизм принять,
И новый мир понять — как знать...

МЫ СПРЫГНУЛИ С КАЧЕЛЕЙ

Панама, сарафанчик, сандалии, качели,
А у качелей — фантик от сладкой карамели.
И жизнь, как на качелях, и карамельный привкус
В метелях, и метелями до рождества Иисуса...

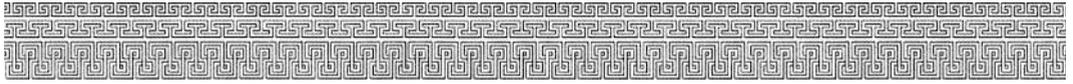
Минуты пролетели! Час угас!
Мы спрыгнули с качелей, качавших нас!
И отлетела юность в ночную мглу,
И превратилась в лунность на берегу.

ОКЕАНСКИЙ МИРАЖ

На стакане прозрачном — сбоку тукан.
Ещё пару бы рыбок для нас — и в стакан...
Нет, всё переиначиваю сразу:
Я достаю хрустальную вазу
И кладу в неё фрукты разнообразные.
А в мыслях — не ваза, а теплоход,
А фрукты — не фрукты, а просто народ...
Но мне бы на берег, к воде беспредельной,
И с берега зреть океан!
Но здесь, на столе, — стакан и тукан,
Мираж океанский, мираж окаянный...
Вся жизнь — как обман...

Мне фруктов не надо! Нет, пусть будут фрукты
В хрустальной вазе, на берегу океана!
И пусть алмазами многогранными
Светит мне океан!

НЕ ПОРА ЛИ МНЕ СТРАНСТВОВАТЬ

Я заверчена вечером — я с блокнотом обвенчана,
Я витаю по образам, а накидка — по плечикам...
Вот на глобусе — Франция. Ну, хоть глазом одним...
Не пора ли мне странствовать, не стеснясь седин?
Погулять по Парижу, Лувр посетить,
В мыслях с солнышком рыжим океан переплыть
И на Эйфелевой башне вдруг ощутить себя букашкой
С высоты счастливых лет...
Выпорхнуть в пространство пташкой,
Повидать весь белый свет.
А потом собрать букет на лужайке из ромашек
И гадать, как в день вчерашний, —
То ли любит, то ли нет...

ДО БОЛИ БЛИЗКОЙ МОСКВЕ

Мысль пролетает
Сквозь дымку туманную в сини.
Как «пролетарий», я заново
Жизнь свою строю в России.
Прошлое всё разрушительно, неповторимо,
А настоящее странно и эйфорийно.
Вот я и строю строки свои в Престольной —
Вечно родной, до боли близкой Москве.
Склонны поэты писать о колокольнях,
Храмах, службах в церквях, и о лучике на цветке.
Ты, как всегда, тополиным снежком запорошена,
Ты на ладони моей, ты на белом листке,
Ты — величава! Прости меня, скоморошную,
Что я сегодня не пышно пою о тебе!

ПРОДАЮТСЯ ДУШИ

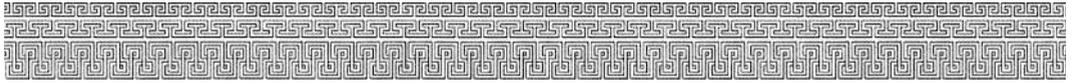
Там, за щёчками лужаек, уплывает вечер в дали,
В горизонт красной волны,
И пока что нет луны.
А вот в городе детали нажимают на педали —
Вечер на проспекте
Задержался в спектре реклам и света.
А за стёклами реклам
Души молятся Богам.
Душно в багетах душам, сохнут и глохнут уши...
Сколько стоит душа? Покупайте души!..

ТЫ ДРУГ ЗЕМНОЙ

Кто выпал из времени — уже не вернётся назад!
За той параллелью сияет магический сад!
Там рай! Но когда-то и рай надоест!
Тогда-то и спустится Он с небес
На землю, где ад и интерес...
На землю, где радость со слезой на глазах,
Туда, где венчались бесстрашье и страх,
Туда, где бывают и холод, и зной,
Туда, где капель и дождь озорной,
Туда, где работа — отрада и зло,
Туда, где кому-то уже повезло,
Туда, где в траве колокольчиков звон,
Туда, где «греховный» слышится стон,
Туда, где с конвертом летит аистёнок,
Туда, где рождается Божий ребёнок,
Туда, где под маской гуляет пророк,
Туда, где судьбой нам отмерен срок.

Кто выпал из времени, уже не вернётся назад!
За той параллелью сияет магический сад!
Там рай! Но здесь — ад и рай!
Живи, дерзай, не унывай!

ДЕЛОВАЯ ПРОЦЕССИЯ!

Блестели тротуары, витрины, рекламы,
Дома, и стёкла, и лужи.
Перемещались парни, девушки, пары,
Рабочие и служащие.
И двигались по длинной шири
Разных марок, цвета, возраста машины —
Деловая процессия! Деловая — значит невесело!
Деловая — дело ваяет, может, даже интересное,
Но дело серьёзное, если невесело.

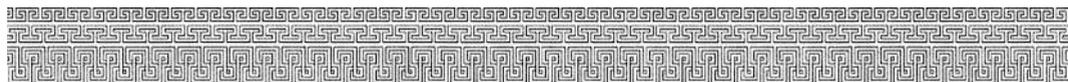
ВЫБОР?

Там блуждали манекены —
Клоны-клоуны-роботы,
Спины подпирали стены...
Руки-хоботы —
Всё хватали, что попало,
И глотали, что попало,
Слева, справа, слева, справа.
Уж вокруг пустынно —
Город вымер! Роботы застыли...
Выбор?

В СТРАНЕ КАРАМЕЛЬНОЙ

Горьковский парк — по тем же дорожкам брожу.
Мне даже не жарко в июньскую эту жару.
Мне даже не горько, и радости нет.
Мне кажется, с горки слетает твой след.
В стране нашей дальней — «Влюблённых»,
А может быть нет,
Миндальная радость и привкус липучих конфет,
В стране карамельной мы в парке на лодке вдвоём.
Ты помнишь, как пели? Но каждый пел о своём.

В КАЖДОМ ВЕКЕ СВОЙ АРЛЕКИН

Сколько дорожек, путей у детей?
Дождь осторожно скользит, словно тень.
Лужицы множат края — колыбель,
Небо, прохожий качаются в ней...

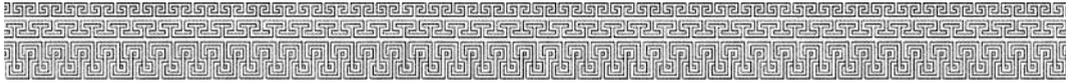
Ряжен в сатин день-арлекин
В янтарной меди.
Сколько простора, сколько причин
Для ярких комедий...
И только детишки из новенькой книжки,
как ошалели,
В пёстрых штанишках босые мальчишки,
Дружно по лужам шлёпая, рушат
все колыбели.

Небо над ними с большим апельсином
На яркой сини.
И акварели по параллели хвостом павлиньим.
Небо под ними в лужах искрами колкими
Из-под шлепков —
Вертлюжными, жемчужными осколками
Уже прошедших вьюжных веков —

Белой берёзкой, зелёной ёлкой,
Дубом могучим, осиной в платине,
Красной рябиной в смелом халатике,
«Клёном опавшим», высокой сосной,
Ивой плакучей, что ветки склонила...
И в каждом веке свой арлекин,
Свои законы от арлекина...

Летом, в осень, зимой и весной —
Сколько их под каждой стопой?..
Мальчишки уже не вернутся в книжку?

Их место давно занимают мартышки?
Нет!
Место давно занимают фетиш и афишки...

МАТРЁШКА — ЖАР-ПТИЦА

Нине Красновой

Матрёшки-Жар-птицы —
От крупной до самой малюсенькой
Гуляют в лесу травянистом,
Немножечко грустном...

Они разбежались
По разным театрам и сценам
С вечерним пожаром
Зари, к выступлениям «ценным»...

Но к ночи они соберутся — в темь,
Но к ночи они обернутся, все семь,
В одну Матрёшку-Жар-птицу,
Вобравшую дух
Веселья, смятенья Столицы...
И не будет вокруг
скоморошных и грустных,
и просто туманных сцен...
А в доме пусто
и лишь — картинки со стен...

Но это твой дом,
Матрёшка-Жар-птица-Царица,
И в нём в окоём
Твой взгляд лучезарный стремится —
Туда, где всегда
Ты находишь Его отраженье.
Ты помнишь, когда
Было первое это смущенье?..

Ты помнишь и ту
Подведённую жизнью черту,
Когда Он ушёл
И оставил свой след на ходу...

Но ты зажигаешь,
и даришь, и даришь себя,
Родная Жар-птица —
Матрёшка весеннего дня.

ПЕЧАТЬ — «ТЫ НЕ СУМЕЛА!»

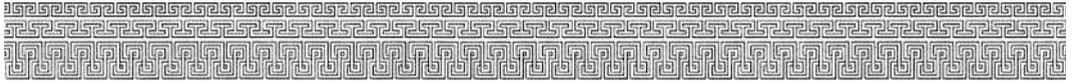
Опять печаль зашелестела
В холодном пасмурном дожде.
Опять печать — «Ты не сумела!» —
Везде я, в деле и без дела,
Искала истину в «меже».
А от границы, на земле, цвели цветы.
А от границы, на земле, в садах плоды.
Но разве истина в границе?
Мой мир, очерченный Столицей.
Но за Столицей тоже мир.
Там паутиной золотится —
Жуирует жуир.....
А на межах моей Столицы
«Отверженных» мелькают лица —
Что, так устроен мир?

ДЕТСТВО МЧИТСЯ КАРУСЕЛЮ

(Шуточная песня)

Детство мчится каруселью и хохочет!
Я хочу на карусель,
Я хочу на обозренье, видеть всё воочию,
Видеть всё свысока,
Но на нём ликуют детки,

Так, как мы когда-то в детстве —
К облакам!

Дух взлетел над колесом,
Закружился колесом,
Ах, какая красотища!
Вот Москва-река и крыши,
Как ступени по земле.
Вот по этим бы ступеням,
Вот по этим бы ступеням
Да к луне!

Крымский мост живой — он дышит,
Пёстрый, и толпой колышет!
Леденцы и сладости везде!
Вот бы нам бы по ступеням,
По высоткам карамельным,
Да к луне!

В детство я лечу! И ШОК! —
Карамельный петушок
Тут как тут!
В колесе, уже над парком,
В клетке, словно в зоопарке,
Капут!

Что же в детстве есть такое,
Что не даст душе покоя —
Озорное и шальное?
В нём в полёте мы свободном
В карамельную погоду
Дышим зноем!

В карамельных-то озёрах
Пряничных безделиц горы,

Продают облака сладкой ваты!
На эстраде альпака пляшет с братом!

Там фонариками кроны,
Там мороженого тонны,
Ешь, хоть лопни!
Ходят дяденьки в погонах,
С ними маленькие гномы,
С ними важные мадонны,
Да по тропкам.

В детство я лечу! И ШОК! —
Карамельный петушок
Тут как тут!
В колесе, уже над парком,
В клетке, словно в зоопарке,
Капут!

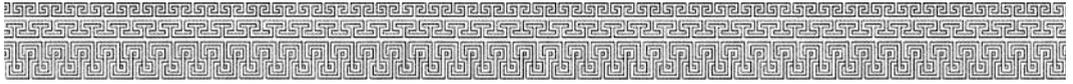
ТУМАН НА КАЧЕЛЯХ

Туман на качелях с небес да окрест
Спустился и сел на молоденький лес,
Встряхнулся, рассыпался мелкой росой
И след свой оставил на тропке косой.
Открылись просветы, пробились лучи,
И око зари обозначило утро —
На нежных полянках в росе кумачи
Ягодной прелести и незабудки.

ВСЁ ПОВТОРИЛОСЬ В СРОК

В ветхих цветах полевых
Осень стоит очумело! —
Стая гусей огневых
Ранней зарницей летела.

И громынула заря,
Словно пожаром объяла,
Сверху спустив якоря —
Зимнего дня начала.
Запорошил снежок
Между линеек и строк —
Всё повторилось, как прежде...
Всё повторилось в срок.

ВОСПОМИНАНИЯ

От шорохов его шагов,
От перешёптыванья платья
Всё оживало в песне снов
Детей, заснувших на полатях.
А печь дышала пылким жаром —
В избе как в бане.
Влюблённых страсти как пожаром
Обуревали...
И бормотали что-то дети
Во снах летучих.
И ночь летела в золотом берете
Крылатой тучей...
Украина, село Оратовка, 1963 год

ОСЕННЯЯ ЗАРИСОВКА

Сочились кровли ржавой кровью —
На сгорбленных от времени избушках.
Здесь семь калек в деревне «упокоенной»,
Семь овдовевших дедов и старушек...

А на опушке благодать осенняя —
Под морозящий и блестящий дождь
Слетают листья медленно с деревьев
И стелют землю разноцветьем сплошь.

А вдалеке виднеется церквушка —
Опрятная, как девица в венчанье,
Здесь осень пахнет смолянистой стружкой
И неизбывной, длительной печалью.

ЗДЕСЬ ОСЕНЬ КАК-ТО КРОТКО

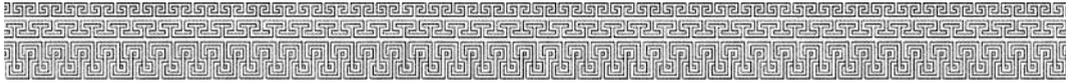
В бездомности глухой деревня — как погост,
Лишь слышен ветра вой, и где-то лает пёс.
А где-то за рекой в огнях сияет город,
А здесь — давно покой и листьев целый ворох.
Здесь в крыши звёзды смотрят и в рамках лунный свет,
Здесь осень как-то кротко вошла в дверной багет
И коврик постелила из листьев на полу,
Немного приуныла, как видно, не к добру.
И, правда, пёс бездомный, скуля, приполз на коврик,
И смолк, и душу испустил.
И только круг луны светил на коврик треугольником...

ОСЕННЯЯ ПОРА НА КОНЧИКЕ ПЕРА

Осенняя пора на кончике пера
Строкой легла ещё вчера,
В вечер — полупрозрачный, чистый, хмурый.
Вот-вот дорожные кресты
Всех перекрёстков и мосты
Задеты будут моей думой.
И платины отлив листвы,
Осины платья, в пурпур войдёт,
И как не знать ей,
Что скоро и пурпур весь опадёт.

Так осенью глаза любимой
Зарю унылую отобразят,
И равнодушный взгляд во взгляд...
Нет единенья! Всё в забвеньи!
Разлука — осени твореньи!

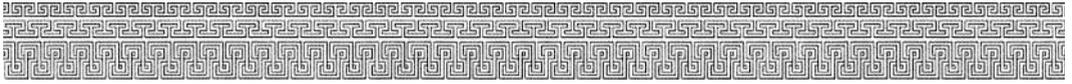
И лишь един разлук всех рок!
И пурпур осени — листок
Спадёт на хрупкий луж ледок,
Свершит разлуки той обряд,
Как смены времени черёд.
Уж взгляд вне взгляда — поперёк! —
Крест четырёх больших дорог —
Потери и награды — всё в крест!
Как в местный кузовок,
И горечь и отрада.
Да, пурпур осени — листок
Спадёт на хрупкий луж ледок.
И мальчик по листве пройдёт,
Сминая в лёд — пурпур и времени черёд...
Что ждёт его, какой обряд,
Весенний золотистый взгляд
И взгляд во взгляд лучистый?
Дай Бог! Пусть вспыхнет его взгляд
Зарёвой искрой!
Тот первый, искренний и чистый,
Невинности последний взгляд...

МНОГОЛЕТНИЕ ЦВЕТЫ

Я делаю движения вперёд
И за спиною оставляю прошлое —
Остался приборачный огород
В «пятидесятых», за калиткой брошенный.
Там нет уже моих, её следов...
Там высятся цементные громады,
Но запах клумбы, небольшого сада
Вдруг я вдохнула, как награду,
Вдали, у волжских берегов...

Я делаю движения вперёд,
В развитие всего, что происходит...

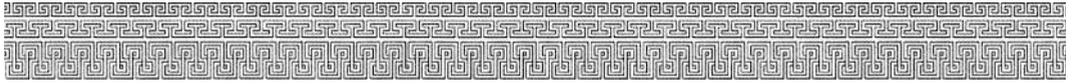

Не только я, а весь «честной народ»
Из детства в юность, в отрочество сходит,
Чтоб совершенствовать свой «код»...
И род продлить,
А там — другим черёд:
Им строить, им творить,
А может, разрушать наоборот...

Я делаю движения вперёд
С оглядкой и тоской о прошлом,
Ведь почему-то помнится «хорошее» —
Как драгоценность, что в веках живёт.
Я помню день морозный и хрустящий,
Там, на пригорке, в шубке из цигейки,
Лежала я распластанной букашкой,
Уставив в небо кругленькие «зенки».
И пролетали белые снежинки,
И намокали варежки в снегу,
И мир казался сказочной картинкой,
Напоминал весёлую игру...
Летят снежинки, падают снежинки,
Я их губами иногда ловлю.
В движении хрустит снежок под спинкой,
Домой пора! Встаю, домой бегу!

А дома печка пышет жарковато,
Борщ на столе, сестрёнка за столом.
И мама, как красавица с плаката,
Что изменяет мир своим трудом,
Спешит ко мне, отряхивает снег,
Снимает варежки и шубку,
При этом и ворчание, и смех:
«Вот до чего промокла ведь, голубка!
Мой руки — и скорей за стол,
Борщ с мясом и с фасолью крупной,

Компот из новых сухофруктов,
Их нам принёс Степан — хохол».

Я делаю движения вперёд
С оглядкой и тоской о прошлом,
Подольше задержаться бы в «хорошем»,
Но молоди безусой уж черёд.
А мы, как многолетние цветы,
И до черты пока ещё не срок,
Лелеем свои мудрые мечты
За поворотом у больших ворот...

И СКОРОСТЬ, СКОРОСТЬ

Невозвратно мимо по рельсам мчится поезд,
Уже не повторим его ритмичный стук,
Лишь отдалённый голос...
И скорость, скорость, скорость
Свиданий, и объятий, и горестных разлук...
И я в фонарном свете вечернего вокзала
Пришла сегодня встретить как будто бы тебя...
И я не замечала, что нет уже вокзала,
Что я иду по шпалам, косынку теребя...
Невозвратно мимо по рельсам мчится поезд,
Уже неповторим его ритмичный стук,
Лишь отдалённый голос...
И скорость, скорость, скорость
Свиданий, и объятий, и горестных разлук...

ЗАЖЁГСЯ ФОНАРНЫЙ КОЛПАК

Печалью душа сожжена,
Не трогает сердце свирель,
Не дрогнет закат, тишина —
Всё замерло в вечной тоске,
Но только на чистом листке
Застыла рядочком капель...

Иду я дорогой своей,
И «Он» за мной поспешает,
И поравнялись, и тень
«Его» — «мою» обнимает.

Озноб пробежал по шее,
Коснулся груди и застыл...
Я стала его мишенью,
Мы стали единой тенью,
Печальной тенью без крыл.
Я быстро прибавила шаг,
Я знала, что именно так
Должна поступить, не иначе!

Зажётся фонарный колпак,
Как свыше мне поданный знак!
Я всё прибавляю шаг!
Я знаю, что именно так
Должна поступить, не иначе!

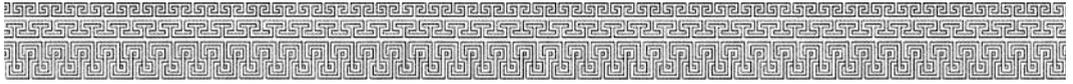
В НАЧАЛЕ ЦВЕТУЩЕГО МАЯ

Земля вращается или стоит?
Споры идут до сих пор!
Но я не учёный, а я пиит,
А приор скажет: «Земля стоит!»
А я утверждаю: плывёт!

Плывёт Земля, плывут облака,
По речке кораблик плывёт!
И я в корабле поплыву в «никуда»,
Когда наступит черёд...

Запущены стрелки часов на века!
И кто остановит их ход?
Секунды, минуты, часы и года —

Им не вернуться назад никогда!
А прошлое кто нам вернёт?

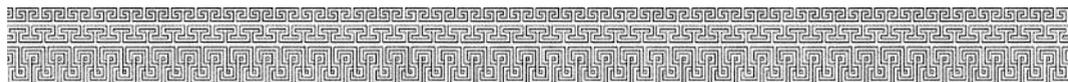
Но только сегодня и только пока
Я здесь на Земле прозябаю,
Мне снятся плывущие альпака
И стаи аистов в облаках
В начале цветущего мая.

И пусть будет вещим и вечным мой сон,
И пусть расцветает май
Под звон проплывающих светлых времён,
Под клич пролетающих стай.

Я ВЫДЕРЖУ БОЙ!

И снова — здорово, и снова — всё сложно,
Опять я коровой бреду бездорожьем.
Опять как корова реву откровенно!
Слезами Земля — благословенна!
Что там, за пределом рыданий и горя?
Оставлю в пределе стенанья и хвори,
Я уши заткну, чтоб не слышать грома,
Прорвусь сквозь сучки от бурелома.
Всё, Русь, пустычки, и вовсе не странно —
Зализывать раны привыкли исправно
давно москвичи...
Потом передышка и счастья немножко —
Вновь я каблучками стучу по дорожкам —
Вновь в теме и с «Теми» опять я в друзьях —
По зебре миную свой жизненный страх...
И снова — здорово, и снова — всё сложно,
Опять я коровой бреду бездорожьем.
Опять как корова реву откровенно!
Слезами Земля — благословенна!

Не стройте интриги друг другу, друзья!
Для счастья и радости наша Земля!
Вам всё показалось, ведь я не корова,
Я — птица, рождённая Божеским словом.
И шалость интриг мной всегда побеждалась...
Рождённая птицей — я птицей осталась.
Крылатая птица! Взлечу над горой!
Я выдержу вами навязанный бой!

А ПО РЕЛЬСАМ СТУЧАТ ТРАМВАИ

Предосенье на пятке августа,
Летний зной обозначил сильф,
Эльфы в небе парят праздно,
Золотя небесную синь.

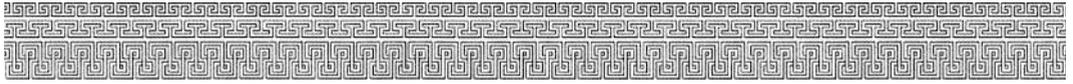
А по рельсам стучат трамваи.
И поёт захмелевший мужик:
«Дорогая моя... трали-вали...
Обойду с тобой материк...»

И присел у пушистого тополя.
Мимо топают двое влюблённых
И исчезли за стенкой акрополя
По тропинке теней затаённых...

А мужик, что присел у тополя,
В сладком сне отпустил свой дух...
Птичья стайка вспорхнула шёпотом,
Тополь сбросил последний пух...

Предосенье на пятке августа,
Летний зной обозначил сильф,
Эльфы в небе парят праздно
Золотя небесную синь...

А по рельсам стучат трамваи,
По асфальту бегут сандалии,
Каблучками девчонки цокают
И в ладошки детишки хлопают...

КОГДА ТЕНЬ В ОБРЫВ

И снова кукушка кукует, как злая помеха,
Кукует, кукует с верхушки беременной ели.
Мы в бремени вечных привычек и времени,
По старой манере и наши земные утехы,
Не Божья то власть, а судьбы провидение...

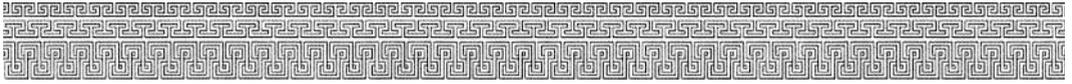
Лежим на опушке в естественном плюше
И наши бабуши в сторонке у плотных деревьев.
Твои голубые глаза и смешные веснушки
В моих отразились, и там же остались в кочевье.
Сплетение рук и движенье вокруг, движенье...

Когда тень в обрыв
И не слышно объятий твоих и объятий моих...
Лишь листья в извив, шумящие листья в извив,
Щемящие сердце — их шум, их порыв, их надрыв...
И мыслей обрыв, и полная связь со Вселенной,
И ум, потерявший значения дум в объятьях двоих...

И слух опустился к земле и притих, и притих,
И дюны волшебные дюны в глазах,
Закрытых, в истоме трепетных плотей земных,
И шёпот в устах дрожащий и потный
И шёпот в устах: Мы с тобой — идиоты...

Единый и медленный шаг:
Мы с тобой — идиоты...
В объятиях медленный шаг:
Мы с тобой — идиоты...

И снова кукушка кукует, как злая помеха,
Кукует, кукует с верхушки беременной ели.
Мы в бремени вечных привычек и времени,
По старой манере и наши земные утехи.

КОЛОКОЛЬНЫЙ, МОНЕТНЫЙ ЗВОН

По земле расплескалось солнце
И вода в кружевах заискрилась.
Просит светлый немывтый мальчонка —
Милость...
Колокольные звоны, я в храме —
Песнопенье. И в ликах святых
Вижу я, далеко за глазами,
Проступает мальчонки лик —
Вечный лик всепрощающей осени —
Просит мальчик: «Подайте на хлеб»,
И проходят «счастливые» взрослые,
И стучит звон упавших монет...

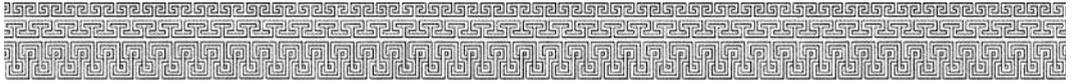
ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ (Н. В. И.)

Высота — вся вечность, состоит из душ.
В освещенье млечном разольется туш,
Смолкнет. Кто-то умер — свет покинул Божий —
На земле «безумной» всё памфлеты множил...
Вознеслась душа её в вечность, растворилась,
Царствие небесное перед ней раскрылось!
Всё — не бесполезно —
Царь-то соболезнает...

РАЗНОЦВЕТНЫЕ СМАЛЬТЫ

Возьму разноцветные смальты
И выложу город мозаичный.
В нём будут дворцы и палаты
Из самых мудреных сказочек.

В нём будет дурак Емеля
На печке по городу мчаться
В зеркальные чудо тоннели,
В которых лучи веселятся.

И будет Емеля премудрым,
И в Фросю вдруг влюбится он,
И милая Фрося забудет
Пророческий старый сон

О том, что — станет солдаткой
И будет Емелюшку ждать
С войны, что наступит когда-то,
С войны, что пройдёт когда-то,
С войны, на которой когда-то
Кого-то должны убивать...

Но что-то смешались смальты —
Не нравится сказке конец,
Ведь добродушные скальды
Слагали счастливый венец.

Я строю мозаичный город
По-новому, без войны,
В котором дома, как горы,
Немыслимой вышины,

В котором Емеля в скафандре
Летит на свидание к Фросе.
А Фрося на Марсе в лавандах
Его поджидает в гости.
Но может быть «тот» — не Емеля,
А Фрося — совсем не Фрося,
И город — давно карамельный —
Для маленьких Маши и Кости.

Как хочется в сказки верить,
Как хочется быть добродушной
Лягушкой, конечно, царевной,
С царевичем в царской избушке!

НА КОНТРАСТЕ И СЧАСТЬЕ — ВОН!

Браво! Справа стоит чемодан,
Слева — кейс на столе с деньгами...
Но гортанную речь о Майдане
Демонстрирует синий экран!

Не могу больше слышать и видеть,
Раздирает сердце на части.
Здесь моя «отпускная обитель»
Не смогла принести мне счастья...
На контрасте и счастье — вон!
По ступеням до моря — горе!
И нахмурены брови волн —
Правят миром враждебные тролли,
Игнорируя Тору*! Здесь — Гойя
Мастерит холст военных времён...

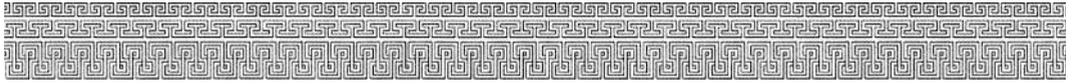
ВО ВСЁМ БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Вот в кадре кино картина войны на пространство,
Смертельной победы и смерти, несущей «на дно».
Ведь где-то давно такое никчемное «братство»
Уже отражало на скалах древнейших панно.

Во всём безысходность, и осень уже на пороге,
И молодость шумная — где сохранился мир,
Живёт, прорастает, следами рисуя автограф,
Жуирует, мыслит: но как бы создать антимир...

А в кадре кино — картина войны на пространство,
И в Мире давно война, как развитие жизни,

И странствует смерть между странами братскими,
И нет же у смерти понятия слова «Отчизна».

Во всём безысходность, и осень уже на пороге,
И поступь войны саламандрой у наших границ,
И мир с Украиной — он даже уже не убогий,
Он в страшном пожаре от пламени огненных птиц...

БОГОМОЛ

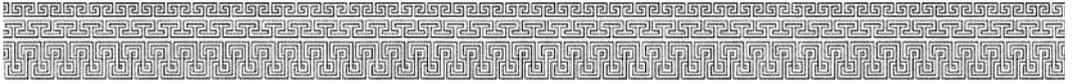
Море (Анапское) — за волной волна —

«Пиво, рыба, холодная чача, горячая кукуруза, пахлава!» —
Передвигаясь глыбой, меняя крен,
Горланит местный абориген —
Такой из себя «мачо», честь ему и хвала.
Я закрываю глаза, представляю пиво, рыбу,
Попадаю в пенный плен, живо ощущаю вкус,
Жаль — нельзя, рисковать боюсь.

Облизываю губы, чувствую соль морскую.
Я расслабилась, не тоскую,
Слышу далеко, будто трубы трубят в будни,
Как пила лесоруба — больно, нудно, грубо, во вчера.
Вот пчела жужжит, тоже как пила.
Вскакиваю, кричу! Больно! Вынимаю жало,
Себя жалко!

На листе богомол молится в небо —
Ему не больно, мне — не больно!!
Уже не больно, когда ты
Не отвечаешь на мои звонки, на мои эсемески,
Даже в торжественные даты тебе — не интересно...
Тесно родителям и детям в этом мире вместе...
Светит солнце, луна и эти Звёзды — наши дети — светят!
Родители — старые лампочки тоже пока светят ярко...

Жарко, сегодня очень жарко
Богомол-лапочка скакнул на другой листок —
Замаливает наши грехи,
Но Бог и ангелы глухи...
«Пиво, рыба, холодная чача, горячая кукуруза, пахлава!» —
По второму заходу кричит «мачо», честь ему и хвала...

